

СВЯТОЙ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ КАК ИДЕАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В ПОЗДНИХ ПЕРЕРАБОТКАХ ЕГО ЖИТИЯ

Владимир Михайлович Кириллин

Доктор филологических наук, профессор;

ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, Сретенская духовная академия,

Московская духовная академия (Россия)

kirillin.v@sdsmp.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_81

Аннотация. В статье рассматриваются первоначальная версия и поздние переработки жития святого князя Александра Невского — редакции Великой Минеи Чети и (Владимирской) (ВМЧ), Степенной книги и Ионы Думина, а конкретно — повествовательные фрагменты оценочной направленности относительно личности князя. Последние позволяют реконструировать лежащие в их основе представления о святом как правителе и человеке и, несомненно, отражают особенно актуальный в эпоху централизации власти и укрепления самодержавия идеал гармонии общественных отношений. Этот идеал, воплощенный в образе Александра Невского, как выясняется, был декларирован, но уже безотносительно к личности князя, и русскими публицистами XVI в. — Максимом Греком, Иваном Пересветовым, Зиновием Отенским и, частично, Иосифом Волоцким, Нилом Сорским, Андреем Курбским, Матвеем Башкиным. Будучи онтологически связанным с Нагорной проповедью Иисуса Христа, он вместе с тем был тождествен народной поэтизации благого царя и зарождающемуся в русском обществе гуманизму как направлению мысли.

Ключевые слова: аксиология, авторская оценка, речевая характеристика, тематика суждений о князе, самодержавие, боярство, правитель и народ, князь-воин, князь-молитвенник, социально-политическая концепция власти, народное представление о власти, гуманистические идеи, Нагорная проповедь.

Для цитирования: Кириллин В. М. Святой Александр Невский как идеальный образ правителя в поздних переработках его жития // Сретенское слово. Москва : Изд-во Сретенской духовной академии, 2022. № 1. С. 81–104. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_81

ST. ALEXANDER NEVSKY AS AN IDEAL IMAGE OF THE RULER IN THE LATER VERSIONS OF HIS LIFE

Vladimir Mikhailovich Kirillin

ScD in Philology, Professor

A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS,

Sretensky Theological Academy,

Moscow Theological Academy (Russia)

kirillin.v@sdsmp.ru

DOI: 10.55398/27826066_2022_1_81

Abstract. The article examines the initial version and later interpretations of the life of the Holy Prince Alexander Nevsky, i.e. the editions of the Great Menaion of the Chetya (Vladimirskaya), the Book of Degrees and Iona Dumin — particularly, the narrative fragments of evaluative orientation concerning the personality of the prince. The latter make it possible to reconstruct the underlying notions of the saint as a ruler and a man and, undoubtedly, reflect the ideal of harmony of social relations, which was especially relevant in the epoch of centralization of power and strengthening of autocracy. This ideal, embodied in the image of Alexander Nevsky, seems to have been also declared (but without regard to the personality of the prince) by Russian publicists of the 16th century — Maxim the Greek, Ivan Peresvetov, Zinovy Otensky and, in part, Joseph Volotsky, Nil Sorsky, Andrei Kurbsky, Matvey Bashkin. Being ontologically connected with the Sermon on the Mount by Jesus Christ, this ideal, at the same time, was identical with the folk poetization of the ‘good tsar’ as well as the humanism as a direction of thought which was emerging in the Russian society.

Keywords: axiology, author's assessment, speech characteristics, the subject of judgments about the prince, autocracy, boyars, ruler and people, prince as a warrior, prince as a man of prayer, socio-political concept of power, popular idea of power, humanistic ideas, the Sermon on the Mount.

For citation: Kirillin V. M. St. Alexander Nevsky as an Ideal Image of the Ruler in the Later Revisions of his Life // Sretensky Word. Moscow : Publishing House of Sretensky Theological Academy, 2022. No 1. Pp. 81–104. DOI: 10.55398/27826066_2022_1_81

Как известно, древнерусское литературное предание о благоверном князе Александре Невском весьма развито. Его история начинается в XIII столетии и заканчивается в XVIII в. К настоящему времени исследователи насчитывают порядка 15 версий жизнеописания князя [Конявская 2010: 199–218; Духанина 2021: 90–167], их ряд дополняют также рассказы о посмертных чудесах святого и служба ему с двумя канонами. Весь этот материал в целом достаточно хорошо изучен в историографическом и филологическом аспектах [Успенский, Живов 1996: 205–337; Мансикка 1913: VI, 226, 12–137; Князь Александр Невский и его эпоха 1995; Шенк 2007; Александр Невский. Государь, дипломат, воин 2010; Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России 2020; Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах 2021]. Без необходимого внимания, на мой взгляд, остались содержащиеся в житиях оценочные характеристики святого и мираклийные истории. Но в рамках настоящей статьи речь пойдет только об аксиологии. В этом отношении важный интерес представляют четыре последовательно связанных текста, а именно: Первоначальная редакция Жития Александра, созданная вскоре после его кончины, то есть еще в XIII столетии, и редакции XVI в.: Владимирская, Степенной книги и Ионы Думина. Остальные версии либо повторяют Первоначальную, либо вовсе не содержат представляющих интерес аксиологических пассажей.

Содержательно текст Первоначальной редакции «Повести о житии и о храбрости благоверного и великаго князя Александра» [Библиотека литературы Древней Руси 1999: 358–369; далее произведение цитируется по этому изданию] сугубо фактографичен: неизвестный автор, описывая воинские и политические деяния князя, сосредоточен прежде всего на

изложении событий, лишь изредка он несколько драматизирует свой рассказ, влагая в уста своих персонажей (и прежде всего Александра) речи, правда, предельно краткие; вместе с тем он весьма сдержан в плане собственных оценочных суждений. Тем не менее эти немногие фрагменты повествования имеют значение как сообразные определенному умозрению о князе и являющиеся прототипами позднейшей аксиологической мысли о нем.

Первоначальная редакция жития		
1	Авторская оценка личности Александра	...И дал ему Бог премудрость Соломона... ¹
2	Речевая характеристика князя. Его речь перед битвой на Неве	...И, скончав молитву, встав, поклонися архиепископу. Епископ же тогда Спиридон благослови его и отпусти. Он же, изшед ис церкви, утер слезы, нача крепити дружину свою, глаголя: «Не в силах Бог, но в правде. Помянем Песнотворца, иже рече: <i>Сии въ оружии, а си на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовемъ, тии сяти быша и падоша, мы же стахом и прости быхом</i> (Пс. 19, 8–9)». Сии рек, поиде на них в мале дружине, не съждався съ многою силою своею, но уповая на Святую Троицу
3	Авторская оценка личности князя	...По пленении же Неврюневе князь великий Александр церкви въздвигну грады исполни, люди распуженыя събра в дома своя. О такихъ бо рече Исая пророк: «Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, съмерен, по образу Божию есть». Не внимая богатства и не презря кровь праведничу, сироте и вдовици вправду судяй, милостилюбець, благ домочадцемъ своим и внешним от стран приходящим кормитель. На такие Бог призирает, Бог бо не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряеть и показаеть на мире милость Свою

¹ Здесь и в последующем древнерусский текст источников воспроизводится упрощенно.

Первый фрагмент характеризует важную черту личности Александра Ярославича: отличающую его особую разумность.

Второй фрагмент, воспроизводя речь самого князя, в первую очередь подтверждает качество его ума: князь образован и знает Священное Писание; но при этом он, как глубоко верующий человек, полностью полагается на волю Божию и на духовную поддержку Церкви, одновременно отождествляя себя как противостоящего врагу защитника Русской земли с древним Израилем, небесным соратником которого в его победной борьбе за землю Обетованную был Господь. Вместе с тем в этом фрагменте звучат темы суда Божия и правды.

В третьем фрагменте отмечена созидательная забота Александра о подчиненном ему народе и с помощью псевдобиблейской цитаты, о которой будет сказано ниже, охарактеризованы его нравственные черты и свойства как человека и правителя. Но ввиду дальнейшего развития аксиологических представлений о князе здесь особенно важны обозначенные темы праведности, справедливого суда, милосердия и гостеприимства, относящиеся к тому, как князь распоряжался своей властью, — творя справедливость, милость и благо.

Однако надо признать, в Первоначальной редакции жития Александра Невского сопряженные с характеристикой его личностных достоинств темы затронуты бегло и неразвернуто — вероятно, потому, что главная задача агиографа, считающего себя «малосмысленным» и «грубым» по уму, сводилась преимущественно к изложению фактов. И все же суть этих лишь едва намеченных тем впоследствии окажется очень важной и при специальной проработке обретет социальный смысл и весьма актуальное звучание. Означенные темы получают значительное развитие в пространной — Владимирской — редакции жития князя [Мансика 1913: 15–31 (2-я паг.)], созданной вскоре после церковного Собора 1547 г., утвердившего общерусское почитание Александра Невского, и включенной в Успенский список Великих Миней Четиих [Великие минеи чети 1917: стб. 3224–3242]. Вероятно, это житие создавалось специально для этого собрания всех «душеполезных» сочинений, бытовавших в русской книжности.

Житие в ВМЧ, Владимирская редакция		
1	Авторская оценка личности Александра	...Мудрость же и остроумие дастся ему от Бога
2	Речевая характеристика князя. Его речь к боярам	<p>Паче же всего любяше правосудие и зело о сем въспрещаше боляром своим: и чясто им о сем глаголаше, приводя притчями от божественных писаний. «Истязующе, рече, земския дани, ничтоже паче повеленнаго вам приемлете (Лк. 3, 13), довольни будите оброky своими (Лк. 3, 14): и да никтоже вас въсхощет обидети или отимати что у братии своей. Писано бо, рече, к нам, к имущим власть над вами: Судии твои праведен суд да судят (Втор. 16, 18) и не познают лица силнаго (Втор. 1, 17) и не приемлют мзды неправедныя. Аз же о сем любезне глаголю вам: Творите суд и правду (Быт. 18, 19), избавите обидима от рук обидящих. Аще ж кто от вас оправдает неправеднаго, праведнаго же судить неправедна быти! — Зде суду нашему повинен да будет и вечный суд такового ждет. Писано бо есть: Волею съгрешающих, по научении разума истиннаго, страшно чаяние суда и огня ревность поясти хочет (Евр. 10, 26–27)». Боляре, видяще господина своего в тацей мудрости суца и зело ужасошася, и вси обещаваются тако творити, якоже от уст его слышяша. Князь же великий Александр въздвиже глас свой и глагола к ним: «Не тако! Хотящеи праведно судити прежде убо длъжни суть просити от Бога премудрости и разума (Ис. 11, 2), та ж и от пианьства удръжаватися: Отверъзи, — рече, — уста своя словесем Божиим и суди право (Притч. 31, 8). И паки пишет: Сильнии и властели, судяще, яры суть, ктому вина да не пьютъ, да не забудуть премудрости и право судити худых не възмогутъ (Притч. 31, 4–5). Подобает бо всем нам смириться пред Богом и обратитися от всего сердца нашего к всемогущему и всесилному Богу ничим ж паче иным, точию милованием нищих и судяще праведно. Се бо наша похвала, еже милостивыми и правосудными быти: не наш бо есть суд, еже судим, но порученный нам от Бога, якож богоотець пророк Давид глаголетъ: Боже, суд Твой цареви даждь и правду Твою сыну цареви — судити людем Твоим в правду (Пс. 71, 1–2)». И ничто ж можаху отвещать против премудрости его и разума</p>

3	Речевая характеристика князя. Его речь после молитвы перед битвой на Неве	...И въстав, поклонися архиепископу Спиридону, и взем от него благословение и от всего священного събора, и изыде ис церкви, глаголаше: «Сии на колесницах, и сии на конех, мы ж въ имя Господа Бога нашего призовем (Пс. 19, 8). <i>Аще Бог по нас, кто на ны?</i> (Рим. 8, 31)». И глагола боярам своим, показуя рукою на нищяя и убогая: «Се есть крепость наша и утверждение: аще принесут молитвы о нас к Богу с въздыханием, скоро услышит их и поможет нам; аще ли ни, то вѣтъще крепость наша»
4	Авторская оценка личности князя	По пленении же Неврюеве великий князь Александр церкви въздвиже, и грады назда, и люди распуженыя събра в дома своя. О такихъ Исая пророк рече: «Князь благ в странах тех, уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть, не събирает богатства, ни зря крови праведнича, отець сиротам и вдовицам, алчущим питатель, показуя милость на мире». И сего ради распространи Бог землю его богатством и славою, и приложение летом дасться ему

Автор этой редакции иллюстрирует тезис о разумности своего героя (фрагмент 1), вложенной в его уста учительной речью перед боярами (фрагмент 2). Прежде всего эта речь, отсутствующая в более ранних версиях жития святого, свидетельствует об образованности и глубокомыслии говорящего. Но главное в том, что она отражает авторское представление о надлежащем пользовании властью и вместе с тем характеризует то, каким был сам Александр Ярославич, вернее, насколько его воображаемая личность соответствовала личности идеального князя. В сущности, это рассуждение о правосудии, будучи вложено в уста Александра, является его самохарактеристикой. Из требований, предъявляемых им боярам, следует, что в сборе налогов нужно ограничивать себя, дабы не обидеть людей; что необходимо, помня о Боге и храня трезвость, вершить справедливый и бескорыстный, неподкупный суд в пользу пострадавших, а не обидчиков; что должно являть милосердие по отношению к бедным и виновным. Значение этих положений, конкретизирующих темы праведности, справедливого суда и милосердия, поднятые еще в Первоначальной редакции жития, усиливается

вариациями лексических повторов: «любяше правосудие», «любите правосудие», «праведен суд да судят», «не приемлют мзды неправедных», «творите суд и правду», «вечный суд», «праведно судити», «суди право», «право судити», «судяще праведно», «правосудными быти», «милованием», «милостивыми». Вместе с тем очевидно, что обращение князя к боярам отражает историческую реальность, в которой столкнулись интересы двух сторон: верховной власти в лице князя, сюзерена, и боярства, аристократии, вассалитета. И очевидно, что вторая сторона оценивалась как источник правового произвола и помеха упрочению верховной власти в рамках самодержавности государя посредством установления единой для всех законности. Между прочим, антибоярская тематика становится весьма заметной в русской литературе как раз со второй трети XVI в., проявившись в «Летописце начала царства Ивана Васильевича», в «Воскресенской» и «Никоновской» летописях, в посланиях самого грозного царя к князю Андрею Курбскому, в «Степенной книге», в «Истории о Казанском царстве», в «Лицевом летописном своде», в послании Андрея Курбского к псково-печерскому старцу Вассиану [Демин 1998: 172–177].

В другой речи святого (фрагмент 3) содержится — в развитие текста Первоначальной редакции — разъяснение того, почему власть имущие должны соблюдать справедливость. Оказывается, архиважна молитва народа к Богу за своих правителей, без которой они, правители, утрачивают Божию помощь и поддержку в своих делах. Таким образом, с личностью Александра Невского сопрягается новая, абсолютно социально значимая тема — тема гармонического, синергического единства между правителем и подвластными ему людьми, единства, которое угодно Богу и непреодолимо для врагов, если оно действительно является реальным фактом.

Что же касается авторской характеристики святого князя (фрагмент 4), то она лишь с некоторыми поправками заимствована составителем Владимирской редакции из Первоначального текста жития. Особенно это касается приписанного пророку изречения, которое, между прочим, использовано было частично и составителем Жития псковского князя Довмонта [Сказание о благовернем князи Довмонте и о его храбрости. Великие минеи чети 1917: 56–63], вероятно, подражавшим автору самого раннего повествования об Александре Невском:

Первоначальная редакция жития Александра	Житие Довмонта	Владимирская редакция жития Александра
Князь благ в странах — тих, уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть. Не внимая богатства и не презря кровь праведничу, сироте и вдовици вправду судяй, милостилюбец, благ домочадцем своим и внешним от стран приходящим кормитель	Князь благ в стране, уветлив, боголюбив, страннлюбеец, кроток, смирен, по образу Божию; Бог бо мира не аггелом любит, но человеком щедря си ущедряет и показывает милость Свою на мире	Князь благ в странах тех (так. — В. К.), уветлив, кроток, смирен, по образу Божию есть, не събирает богатства, ни зря крови праведнича, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, показуя милость на мире

Еще в XIX в. издатели Великих Миней Четъих установили, что подобного текста нет в Книге пророка Исаии [Там же: стб. 3233–3234 (примеч.)]. К этому надо лишь добавить, что он весь скроен из устойчивых библейских выражений, например таких: *яко благъ, яко въ вѣкъ милость его* (1 Езд. 3, 11), *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ* (Мф. 11, 29), *добро творити милостыню, нежели сокровиществовати злато* (Тов. 12, 8), *проливающихъ кровь праведну* (Плач 4, 13), *азъ есмь Господь творяй милость и судъ и правду* (Иер. 9, 24), *по субботъ же немощнымъ и сиротамъ, и вдовамъ раздѣливше* (2 Мак. 8, 28), *буди сирымъ яко отецъ* (Сир. 4, 10), *творящаго судъ обидимымъ, дающаго пищу алчущымъ* (Пс. 145, 7).

Очевидно, крепкая библейская основа данного пассажа и позволила древнерусским книжникам воспринимать его как цитату из речи пророка. Но главное все же заключается в том, что в контексте Владимирской редакции подразумеваемая данным пассажем характеристика Александра Ярославича является конкретизацией будто бы высказанного его же устами убеждения относительно необходимости для правителей народной молитвенной поддержки; последняя же достигается именно их нестяжательностью и равнодушием по отношению к проявлениям праведности, их благим нравом и миролюбивыми делами на пользу народа, их щедрыми заботами о нем.

Все эти идеи отличают и вариант жития святого князя, созданный для «Степенной книги» [Житие и подвизи, вкупе же отчасти и чюдеса

прехвалнаго и блаженнаго великаго князя Александра Ярославичя, рекомаго Невскаго, нареченнаго въ иноцех Алексиа // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии 2007: 514–535] (конец 1550-х – начало 1560-х гг.) с учетом и Первоначальной, и Владимирской редакций. Только автор текста «Степенной» меняет форму, или тип повествования. Рассматриваемые здесь фрагменты Владимирской и отчасти Первоначальной редакций, аксиологически аттестующие личность и деятельность Александра Невского, он редуцирует, сведя к минимуму прямую речь и предпочтя ей изложение от 3-го лица.

Житие в «Степенной книге»		
1	Авторская оценка личности Александра	...Мудрость же и остроумие дадеся ему от Бога, яко Соломону
2	Характеристика князя посредством передачи сути его поучений к боярам	Паче же всего любяше правосудие, о нем же и бояр своих часто наказуя притчами от божественных писаний, яко да прежде всего воспроят от Бога премудрости и от пьянства удержатся и сами пред Богом да смирятся; да не забудут лица сильного и не приемлют мзды неправедныя и никого же обидят, но да избавят обидима от руки обидящих и паче повеленнаго им ничто же возьмут, но довольни будут оброки своими. И тако многажды глаголаша: овогда своя державы страхом воспрещаше им, овогда же вечное воздаяние предлагаше им, иже на Страшнем Суде Христове, комуждо по делом его. Бояре же и вси людие, видяще от Бога дарованную ему премудрость, ничто же могуще отвещати, но вседушно обещахуся творити, яко же повелеваше им
3	Речевая характеристика князя. Его речь после молитвы перед битвой на Неве	И скончав молитву, воста и поклонися архиепископу Спиридону и благословен быв от него и от всего священного собора и изыде из церкви и начат укрепляти воинство свое и глаголаше: «Аще Бог по нас, кто на ны? По божественному Давиду, <i>сии на колесницах и сии на конех. Мы же во имя Господа Бога нашего призовем</i> и не убоимся множества ратных, яко Бог с нами есть»

4	Авторская оценка личности князя	По пленении же Неврюеве блаженный великий князь Александр прииде из Орды и седе во граде Владимире, и грады назда, и святыя церкви воздвиже, и люди разбегашаяся собра в дома своя. О такихых рече Исайя пророк: «Аще в коей стране князь благ и уветлив, кроток и смирен, по образу Божию есть: не собирает богатства и не презирает кровь праведничу, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, милостилюбець, а не златолюбец, благ домочадцем своим, внешним же, иже от инех стран приходящим, кормитель; на такихых Бог призирает и милость Свою показывает на них». Яко же и сего великого князя Александра ураспространи Бог землю его, и богатством и славою изобилова, и летом приложение дарова
---	---------------------------------	--

Как видно, в «Степенной книге» усилена мысль Первоначальной и Владимирской редакций жития Александра об отсутствии в деятельности последнего тяготения к любостыжанию (2-й и 4-й фрагменты): «не приемлют мзды» (рекомендация, исходящая от князя), «не собирает богатства» и «не златолюбец» (авторская характеристика князя). При этом сохраняется прикровенная критика боярства, которое непременно должно жить (но не живет) по евангельским заповедям и княжеским наставлениям; вместе с тем пополняется и состав положительных оценок Александра Ярославича новым вариантом одобрения его гостеприимства: «внешним же... кормитель».

Дальнейшее развитие аксиологии относительно святого наблюдается в редакции Ионы Думина [Месяца ноября в 23 день. Житие и подвигы благовернаго великаго князя Александра, иже Невский именуется, новаго чудотворца, в нем же по чудесех его отчасти исповедание; Мансикка 1913: 50–124 (2-я паг.)], созданной около 1591 г. Этот вологодский архиепископ значительно распространяет и жизнеописание Александра вообще, и рассматриваемые здесь фрагменты, отражающие суть его собственных, авторских представлений о князе, его личностных особенностях и характерной для него концепции власти.

Житие по версии Ионы Думина

1	<p>...Смыслом благоразумия и премудростию божественных писаний зело велехвален, яко вторый Давид, и Соломон, и Самсон <...> обаче же яков бе преудивлен святыи случаем зрака и видом благородия, таков бяше преудивлен и разумным остроумием <...> многожеланно бо бе ему молитвенное предстояние, единственное и прилежное книжное почитание <...> изящным трудом снискашеса, собою образ прообразоваше всем, милостынею же к нищим и почитанием иночествующих прехвален зело. Дивити же ся премудрости его книжней и к Богу духовныя его теплоты от поучений его князей и боляр: яков бо бе сам, сице и тех хочаше быти</p>
2	<p>...Дабы вси преизлишнии его во всех указаниях земных преизяществовали непорочное и, по апостолу, подобилися ему, якоже и он Христу, тем же поучает и наказует боляр и князей своих и всех судей, приводя им притчи от поучений Божественных, глаголя: «Чада и братие, се прияли есмы от Бога начальство людей Божиих, от Негоже от них истязани будем в день судный, якоже рече пророк: “От рук ваших изыщю людей сих и кровь ваша вместо крове их”. Тем же подобает нам начальство имети праведно по Бозе, прежде ж возлюбити нам Бога от всея душа наша и помышления, таже возлюбим ближняго, яко себе, апостольским поучением утвердивше себе, еже рече: “Отложим всяк вопль и хулу, зависть и рвение от сердец ваших, ярость же и гнев да не въздет на сердца наша, милостынею же и любовию светло украсим себе”. Нещадну милостыню творите, да без щадения и от Бога милость примем! Повинным же вам отдаждьте, яко да и вы отдаение примете в повиновении греховнем: оградите же себе страхом Божиим, в нем же всяку правду имате творити. Да будут же суды ваша праведни и безмездни, яко судии Божии есте; лиц же сильных не обинуйтеся, убогих милуйте, обидимых избавляйте от насильствующих неправедно; никого же не обидите, но своими довлейтеся; между же собою совет благ имейте по апостолу; дани же оброк наших на людех паче повеленнаго вам не истязуйте, и да никто же будет обидим от вас! Сгрешающаа наказуйте с милостию, во ум си приемлюще, яко и вы некогда суду Божию и нашему повинни будете! Писано бо есть в пророце о сем, яко вопль убогих вопиет ко Мне на вы. И Аз мщю вам вопиение их. Тем же убойтеся насильствующей и не обидите подвшедших вам, праведен суд творите, не мстяще по рвению никому же!» Сия же яко слышавше от святаго реченое, князи же и боляре, и вси вельможи и сильнии, прегнувше колене своя, главы на земли положше, со слезами воскликнуша купно вси с радостию сотворити вся глаголемая им</p>

3	<p>И скончав молитву, встав, прииде ко архиепископу и ко всему освященному събору, поклоняние творя им, глаголя: «Благослови мя, священноначалниче великий, со всеосвященным ти събором и молити Бога, и Пречистую Богородицу, и святых Их угодников в помощь призвавша, да молитвами святыми негли поможет ми Бог на сопротивныя». Сия же ему глаголющу, реками от очию слезы испущаше толико, яко и началнику церкви съ всем освященным събором и со всеми предстоящими ту людьми пролияти слезы многы. И ничто же от всех вопиющих со слезами слышати, точию: «Господи, услыши и помилуй!» — сия вопиющих на мног час. Посем же повеле всем умолкнути, благословляет его великий предстатель церкви Божиа. Святой же благоверный великий князь Александр взем благословение от святителя, иде во сретение ратных, глаголаше псалом Давидов: «Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!» (Пс. 69, 2). И Христовым словом во уме своем крепляшеся, реченем во святем Евангелии, <i>аще Бог по нас и никто же на ны</i> (Рим. 8, 31). К сему же на помощь призываше взбранную воеводу победительную, крепкую христианскую помощницу, препетую Богородицу...</p>
4	<p>По пленении же Неврюеве блаженный великий князь Александр Владимирский и всея Руси самодръжец прииде из Орды и седе во граде Владимире, яко благочестив строитель дому, паки церкви Божиа воздвиже и расхищенны грады от поганных назда, и распуженыя люди, яко предобр пастырь, собра в дома своя. О такомем убо пастыри Господь глагола: <i>Пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца</i> (Ин. 10, 11) и <i>овца своя глашает по имени, и овца по нем идут, якоже ведут глас его</i> (Ин. 10, 3–4), и прочаа. И пророк Исаяя рече: «Аще в коей стране князь благ и уветлив, кроток и смирен, по образу Божию есть, не собирает богатства и не презирает кровь праведничу, отец сиротам и вдовицам, алчущим питатель, милостилюбец, а не златолюбец, благ домочадцам своим, внешним же, иже от инех стран приходящим, кормитель, на таковых Бог призирает и милость Свою показывает на них». Якоже и сего великаго князя Александра, ураспространи Бог землю его и богатством и славою изобилова и летом приложение дарова</p>

Очевидно, что во всех этих фрагментах Иона Думин отталкивался от текстов Владимирской редакции и редакции «Степенной книги». Но при этом он заметно приумножил краски, характеризующие Александра Ярославича, придав им отчасти иное смысловое звучание.

Так, в первом фрагменте констатация разумности князя обогащается тезисом о гармоническом единстве его внешнего облика, благородной красоты, с его внутренним совершенством, «разумным остроумием», которое проявилось в его молитвенности, любви к книге, милосердии по отношению к бедным и почтительном отношении к монашествующим.

Второй фрагмент, речь князя Александра к боярам, из наставления Владимирской редакции о долженствовании вершить правый суд превращается в назидание об ответственности начальствующих перед людьми и Богом за свои дела. Текст назидания в большей степени посвящен проповеди любви, справедливости, нестяжательности и ненасилия по отношению к подвластным. В общем в обновленной речи святого звучат те же темы и встречаются те же фразы, что и в более раннем ее варианте, только сформулированы они несколько иначе и при этом смысловой акцент всего наставления перенесен — посредством лексических повторов — на идею милосердия, которым непременно следует руководствоваться в своих поступках каким бы то ни было правителям: «милостынею <...> украсим себе», «милостыню творите», «милость примем», «милуйте», «наказуйте с милостию». Несомненно, это, по версии Думина, княжеское размышление, развивая ясно звучащую во Владимирской редакции тему необходимого единения царя и народа, своей сутью восходит к постулатам Иисуса Христа из Нагорной проповеди: *Блажени милостивии: яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7), *имже бо судом судите, судят вам: в ню же меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2); *Вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им* (Мф. 7, 12). Только приписанные князю парафразы последних, вместе с заключенной в них идеей обязательной обусловленности поступков и состояний человека логикой ответной реакции в виде возвратного влияния или воздействия, подразумевают конкретную практику русской жизни. Именно такие принципы должны лежать в основе ее обустройства; именно посредством их реализации достигается гармония общественного единства; и именно они, как приходится думать с подачи Думина, составляли для Александра Ярославича основу его концепции управления страной и народом.

Интересно, что Иона Думин почти полностью преобразует эпизод, описывающий действия князя перед его выступлением против обосновавшихся на Неве шведов (фрагмент 3). Новый вариант рассказа свидетельствует о якобы происшедшем некогда торжественном церемони-

альном действе. После собственной молитвы князь просит архиепископа и церковный собор благословить его на битву с «сопротивными» и молиться о его победе. Это прошение сопровождается долгим молебным плачем князя, соборян и народа с воздыханием «Господи, услыши и помилуй!» Затем в полной тишине князь получает благословение и идет к своим воинам, вспоминая воззвание царя Давида к Богу о вспоможении ему, укрепляя себя словами апостола Павла о неодолимости людей, пребывающих в Боге, и призывая в помощь себе Пресвятую Богородицу. Если, согласно редакциям Первоначальной, Владимирской и «Степенной книги», Александр Ярославич в этом эпизоде предстает больше как воин и произносит речь воина, то у Думина от его воинского ореола ничего не остается. Читателю явлена фигура молитвенника, уповающего на небесное содействие и молитвы народа Божия. Таким образом, вновь, только околично, через описание, выражается мысль о спасительности гармонического единства начальствующих и подчиненных, а заодно власти светской и власти церковной.

Эта же мысль подчеркивается и в авторской характеристике святого князя как правителя (фрагмент 4), подчеркивается опять-таки иносказательно, с помощью введенных в текст — несомненно, именно ради нее — евангельских цитат: *Пастырь добрый, иже душу свою полагает за овца и овца своя глашает по имяни, и овца по нем идут, якоже ведут глас его.* Следуя этим заповедям, Александр Ярославич и обретает те качества правителя, которые перечислены в цитате, приписанной пророку Исаии, благодаря которым ему удалось восстановить свою страну после Батыева разорения и укрепить ее. Вся оценка князя и его созидательной деятельности становится, соответственно, более последовательной и логичной.

Отмеченные особенности текста Ионы Думина позволяют полагать, что он вполне сознательно трактовал образ Александра Невского как идеальное олицетворение гармоничного единения светской самодержавной власти с Церковью, аристократией и простым народом. Под его пером эта социально-политическая концепция обретает целостное, законченное в идейном плане выражение. Но начало ее развития в XVI в. сопряжено было с Владимирской редакцией.

Несомненно, эта концепция была адресована власть предержащим: в реализации Думина — царю Феодору Иоанновичу, зачаточные же ее формы

в реализации авторов текстов из Великих Миней Четых и «Степенной книги» — царю Иоанну Васильевичу IV. И бесспорно, она отражала определенное состояние русского общества и отличающие его умонастроения.

В самом деле, темы социального характера [Демин 1998: 241–247]: общественного единения и разрозненности, праведного и неправедного суда, справедливости и несправедливости, милосердия и жестоковейности по отношению к подвластным — были наиболее заметными в публицистике XVI в.

Вот, например, одна из многих инвектив прп. Максима Грека относительно общественных пороков, которой явно подразумевалось современное ему состояние русского общества:

«Христиане благоверны, богатством и всякими имении обливаемы, таже власти получивше привременныя, еюже подобаше им, аще бы убо была в них искра страха Божия, снискати себе всякою правдою и щедротами богатство неистощимое на небесех. Они же, *наибольше и наипаче неистовством несытнаго сребролюбия разжигаемы, обидят, лихоимствуют, хитрят имения и стяжания вдовиц и сирот, всякия вины замышляюще на неповинных...*» [Максим Грек, прп. 1860: 200].

Как видно, здесь речь идет о тех, кто ради своего богатства обирает беззащитных людей, прикрываясь предъявленными им ложными обвинениями в чем-либо. Помимо обличений подобных грехов, Максим Грек и прямо обращался, в частности, к государю Ивану Грозному, призывая его к соблюдению справедливости, правосудия, милосердия и благотворения по отношению к народу, включая и бедных:

«Да ничто же убо предпочтеша паче правды и суда Царя Небеснаго Иисуса Христа Господа и Бога твоего, ни единым бо иным толико Он угоден и милосерд и благотворец будет богохранимее дръжаве твоеи, елико твоею к подручником правдою, и правым судом, и щедротами, и кротостию къ всем вкупе ниществующим» [Там же: 348–349] (В более ранней версии это послание обращено к Василию Ивановичу [Максим Грек, прп. 2014: 247–251]).

Как можно думать, в этом пассаже прикровенно выражена и мысль о зависимости богоугодного общественного состояния от взаимного благорасположения власти и народа.

Сходные темы поднимал также Иван Пересветов, используя, в частности, — как положительный пример властителя и его правления —

образ завоевавшего Константинополь султана Османской Порты Магомеда II:

«В лето 6960 первого царь Магмет-салтан турецкой велел со всего царьства все доходы к себе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал велможам своим для того, чтобы не прелщались, неправдою бы не судили, и оброчил вельмож своих из казны своея, царския, кто чего достоин. И дал суд во все царство, и велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушались и неправдою бы не судили. Да приказал судиям: “Не дружитесь с неправдою, да не гневите Бога, да держитесь правды, что Бог любит!” Да послал по градом судии свои, паши верныя <...> и велел судити прямо...» [Пересветов 1956: 152–153].

«Да рек тако Магмет-салтан: “Пишет о милостыни мудрец, яко подobaет от праведного труда творити милостыню, а не от лихоимства” <...> умей стяжати правдою, раздаяти же милостыню, по писанию, и тем приближитесь Богу. Тем да исправил есть о сих себе с рассмотрением, аще имаши от своего труда сеи богатство, от него же хочещи принести дар Богу, но смотри, егда немощным нужда сотворил еси или под собою нужда облиховал еси. Аще ли властель еси, не насилуй и не лихоимствуй, но егда приключится власть, покажи правая...» [Там же: 168–169].

Обусловленность общественного блага гуманным отношением сильных мира сего к простым людям сформулировал еще более ясно и определенно инок новгородского Отенского монастыря Зиновий, размышляя о причинах падения Константинополя:

«...Зане грецы, христианское велие имуще имя, дел же христианских не снабдеша и судьбы Христовы не оправдиша, суда бо не взыскаша, и праведна суда не судиша, вдовица и сироты оставиша хотящим озлобляти их, и милости подручным не сотвориша, и злата на владомых собирати не престаша, и обидимых из руку обидящих не избавиша, и обидимыя на обидующих не отмстиша. Сего ради Бог и предаст я в руке враг христиانيين, языку нечисту...» [Зиновий, инок Отенский 1894: 20 (Приложения)].

Как видно, приведенные цитаты из сочинений публицистической направленности и по смыслу, и по лексическому наполнению весьма созвучны пространным версиям его жития, составленным в XVI в. ради вящего прославления Александра Ярославича Невского. Это единогласие позволяет определенно утверждать, что синхронно с известным процессом абсолютизации самодержавия в Московском государстве

русское общество вполне последовательно и, по-видимому, впервые за свою историю столь прямо формировало представление об идеальном правителе и государе. Наивыразительнейшим примером такового стал великий князь Владимирский. Именно его личность, благодаря русским писателям и сообразно получившему тогда новое и официальное развитие изобразительному принципу «идеализирующего биографизма» [Лихачев 2015: 164–175], демонстрировала необходимые для правильного управления людьми черты. Подобно этому святому угоднику, всякий обладатель власти — царь ли, князь ли, боярин или чиновник — должен стремиться к плотскому воздержанию, быть мудрым и рассудительным, книжным и учительным, чтущим Церковь и монашество, молитвенником и праведником, немстительным и миролюбивым, по-евангельски расположенным даже к преступникам; он должен быть источником справедливости, добра, щедрости и блага как для своих, так и для чужих, сострадать бедным и заботиться о них; ему следует — осознавая собственную ответственность перед Богом и людьми за свои поступки и учитывая в своих действиях закон взаимообусловленности всего, что происходит в жизни общества, и взаимответственности членов последнего — неукоснительно полагаться на помощь Божию, молитвы подвластного ему духовенства и народа, созидательно украшать свою землю, твердо отстаивать правосудие как фактор гармонических общественных отношений, строго карать мздоимство и стяжательство.

Утопизм подобных чаяний очевиден. Они никак не согласовывались с суровой реальностью. Местом их жизни была только литература да еще устная народная поэзия [Райкова 1995; Коновалова 2007]. Но, бесспорно, они отражали вполне определенно сложившиеся в московском обществе к XVI в. представления о царе как носителе праведности и его власти как явлении сакральном [Успенский, Живов 1996: 208–221], о самодержавии как богоустановленной «форме церковного служения» и вместе с тем о свободе людей как благодарованном им «естественном праве». Помимо вышеуказанных публицистов, этих материй в своих сочинениях касались, правда по-разному, например, с одной стороны, традиционалисты Иосиф Волоцкий и Нил Сорский, а с другой — «вольнодумцы» Андрей Курбский и Матвей Башкин [Зеньковский, прот. 1991: 50–51]. Высказанные ими мысли, однако, так или иначе были связаны с гуманистическими идеями, которые в XVI в. уже прочно укоренились в европейских умах, но вместе

с тем они проникли и в московское общество, слившись при этом с народным пониманием Нагорной проповеди как морально-нравственного императива относительно справедливого устройства жизни.

Здесь напрашивается следующий вывод: судя по рассмотренному агиографическому материалу, осмысление личности и деяний святого Александра Невского в Московском государстве указанного времени лежало в русле только еще зарождавшегося доктринально русского гуманизма [Алексеев 1989]. Зерна последнего обнаруживаются прежде всего в русской публицистике и в небывало масштабной обобщающей литературной работе. Первая будоражила русское общественное сознание целым рядом историсофских, религиозных, идеологических вопросов, обнаруживая гуманистические начала в антропологическом и социальном аспектах оценки человеческого бытия. Вторая сводила весь накопленный русской культурой духовный и художественный опыт к фундаментальному единству, являя, как полагал Р. Пиккио, гуманистическую тенденцию в одинаковом для всего латинского Запада и всех православных славян филологическом стремлении к критике текста с целью установления «правильных прочтений», выявления «правильных истолкований» и «корректного использования словесного искусства» [Пиккио 2003: 192]. Именно такой гуманизм, словесной изобразительностью обогативший предание об Александре Ярославиче Невском как личности, которая с опорой на учение Христа устремлена к благу человека, станет позднее мировоззренческим фундаментом русской классической литературы. Еще одно подтверждение прямой, непосредственной и неразрывной связи русского средневековья и последующих этапов идейно-художественного литературного развития.

Литература

Александр Невский. Государь, дипломат, воин. Москва : Р. Валент, 2010. 520 с.

Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI–XVII вв.) // *Он же*. Русская литература и ее мировое значение : Избр. тр. / Отв. ред. В. Н. Баскаков, Н. С. Никитина. Ленинград : Наука: Ленингр. отд-ние АН СССР, 1989. С. 5–32.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5 : XIII в. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 528 с.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6 : XIV — середина XV в. Санкт-Петербург : Наука, 1999. 584 с.

Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах. Москва : Лѣто, 2021. 672 с.

Великие минеи четии : Ноябрь. Вып. IX. Ч. 2-я, тетрадь I : дни 23–25. Москва, 1917. Стб. 3109–3423.

Демин А. С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В. П. Гребенюк. Москва : Языки русской культуры, 1998. 848 с.

Духанина А. В. Рукописная и старопечатная традиции жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский : Блистая славою на земле и на Небесах. С. 90–167.

Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Ленинград : ЭГО, 1991. 220 с.

Зиновий, инок Отенский. Слово инока Зиновия об открытии мощей архиепископа Ионы новгородского // Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения / иссл. Ф. Калугина. Санкт-Петербург, 1894. 4, IV, 364, 27 с.

Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. 215 с.

Коновалова Н. А. Образ самодержавия в представлениях русского крестьянства по фольклорным материалам // Вестник Омского университета им. Ф. М. Достоевского. 2007. № 4. С. 121–126.

Конявская Е. Л. Александр Невский в Исторических источниках : 1. Ранние летописи. 2. Житийная литература // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. Москва : Р. Валент, 2010. С. 199–218.

Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Санкт-Петербург : Азбука-Аттикус, 2015. 314, [1] с.

Максим Грек, прп. Слово о неизгланнем Божии Промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих // Сочинения преподобного Максима Грека, изданные при Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань, 1860. 460 с.

- Максим Грек, прп. Сочинения. Т. 2 / отв. ред. Н. В. Сеницына. Москва : ЯСК : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 430. [1] с.
- Мансикка В. П. Житие Александра Невского : Разбор редакций и текст. Санкт-Петербург : Об-во любителей древней письменности, 1913. VI. 226. С. 12–137.
- Пересветов И. Сказание о Магмете-салтане // Сочинения И. Пересветова / подгот., текст А. А. Зимины, под ред. чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 388 с.
- Пиккио Р. Русский гуманизм : Филологическое возрождение // Пиккио Р. Slavia orthodoxa : Литература и язык // отв. ред. Н. Н. Запольская, В. В. Калугин. Ред. М. М. Сокольская. Москва : Знак, 2003. С. 181–197.
- Райкова И. Р. Русские предания, легенды, сказки. Лубок и массовая литература о «справедливом» царе (Традиционные сюжеты, мотивы, поэтика). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1995. 18 с.
- Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал. Вып. № 1 (12). Санкт-Петербург : Изд-во СПДА, 2020. 272 с.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам : Тексты и комментарии : В 3 т. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1 : Житие княгини Ольги. Степени I–X / погот. под рук. акад. Н. Н. Покровского. Москва : Языки славянских культур, 2007. 596. [2] с.
- Успенский Б. А., Живов В. М. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I : Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд. Москва : Языки русской культуры, 1996. С. 205–337.
- Хитров М. И. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский : Подроб. жизнеописание с рис., пл. и карт. [Репринт. воспроизведение изд. 1893 г.]. Москва : Междунар. об-ние «ИИИ»; Панорама, 1991. 277. [1] с.
- Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти : Святой правитель, национальный герой (1263–2000) / авторизов. пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. Москва : Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.

References

- Aleksandr Nevskii. *Gosudar', diplomat, vojn* [The sovereign, the diplomat, the warrior]. Moscow, "R. Valent" Publ., 2010. 520 p.
- Alekseev M. P. [The phenomena of humanism in the literature and journalism of Ancient Russia (XVI–XVII centuries)]. "Nauka" Publ., 1989, pp. 5–32. (In Russ.)
- Alekseev M. P. [Russian literature and its world significance: Selected works]. "Nauka" Publ., 1989, pp. 5–32. (In Russ.)
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 5: XIII v.* [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 5: XIII century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1997. 528 p.
- Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 6: XIV — seredina XV v.* [Library of Literature of Ancient Russia. Vol. 6: XIV — mid. XV century]. Saint Petersburg, "Nauka" Publ., 1999. 584 p.
- Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaia slavoiiu na zemle i na Nebesakh* [The Blessed Grand Prince Alexander Nevsky: Shining with glory on earth and in Heaven]. Moscow, "Lbto" Publ., 2021. 672 p.
- Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury* [Demin A. S. About the artistry of Old Russian literature]. Otv. red. V. P. Grebeniuk. Moscow, "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1998. 848 p.
- Dukhanina A. V.* [Handwritten and old-printed traditions of the life of Alexander Nevsky]. *Blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Nevskii: Blistaia slavoiiu na zemle i na Nebesakh*. Moscow, "Lbto" Publ., 2021, pp. 90–167. (In Russ.)
- Khitrov M. I. Sviatoi blagovernnyi velikii kniaz' Aleksandr Iaroslavich Nevskii: Podrob. zhizneopisanie s ris., pl. i kart. Reprint. vosproizvedenie izd. 1893 g.* [The Holy Blessed Grand Prince Alexander Yaroslavich Nevsky: Details. biography with fig., pl. and maps. Reprint. reproduction of the 1893 edition]. Moscow, "Mezhdunar. ob-nie "III": Panorama" Publ., 1991. 277 p.
- Kniaz' Aleksandr Nevskii i ego epokha. Issledovaniia i materialy* [Prince Alexander Nevsky and his era. Research and materials]. Pod red. Iu. K. Begunova i A. N. Kirpichnikova. Saint Petersburg, "Dmitrii Bulanin" Publ., 1995. 215 p.
- Konovalova N. A. [The image of autocracy in the representations of the Russian peasantry based on folklore materials]. *Vestnik Omskogo universiteta im. F. M. Dostoevskogo*, 2007, no. 4, pp. 121–126.

- Koniavskaia E. L. [Alexander Nevsky in Historical sources: 1. Early chronicles. 2. Hagiographic literature]. Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn. Moscow, "R. Valent" Publ., 2010, pp. 199–218.
- Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Ancient Russia]. Saint Petersburg, "Azbuka-Attikus" Publ., 2015, 314 p.
- Mansikka V. P. [The Life of Alexander Nevsky: An analysis of the editions and the text]. O-vo liubitelei drevnei pis'mennosti, 1913. VI, 226, pp. 12–137.
- Pikkio R. [Russian Humanism: Philological Revival]. Pikkio R. Slavia ortodoxa: Literatura i iazyk. Otv. red. N. N. Zapol'skaia, V. V. Kalugin. Red. M. M. Sokol'skaia. Moscow, "Znak" Publ., 2003, pp. 181–197.
- Prepodobnyi Maksim Grek. Sochineniia. T. 2* [St. Maxim the Greek. The Works. Vol. 2]. Otv. red. N. V. Sinitsyna. Moscow, "IaSK: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi" Publ., 2014, 430 p.
- Raikova I. R. *Russkie predaniia, legendy, skazki. Lubok i massovaia literatura o «spravedlivom» tsare (Traditsionnye siuzhety, motivy, poetika). Avtoref. diss. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk* [Russian tales of yore, legends, fairy tales. Lubok and mass literature about the "just" tsar (Traditional plots, motives, poetics). PhD of litt. sci. diss.]. Moscow, 1995. 18 p.
- Shenk F. B. *Aleksandr Nevskii v russkoi kul'turnoi pamiati: Sviatoi pravitel', national'nyi geroi (1263–2000)* [Alexander Nevsky in the Russian cultural memory: The Holy ruler, the national hero (1263–2000)]. Avtorizov. perev. s nemets. E. Zem-skovoi i M. Lavrinovich. Moscow, "Novoe Literaturnoe Obozrenie" Publ., 2007. 592 p.
- Sochineniia I. Peresvetova* [Works of I. Peresvetov]. Podgot. tekst A. A. Zimin, pod red. chl.-korr. AN SSSR D. S. Likhacheva. Moscow; Leningrad, "AN SSSR" Publ., 1956. 388 p.
- Sochineniia prepodobnogo Maksima Greka, izdannye pri Kazanskoj dukhovnoi akademii. Ch. 2* [The works of St. Maxim the Greek, published at the Kazan Theological Academy. Part 2]. Kazan', 1860. 460 p.
- Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: Teksty i kommentarii: v 3 t.* [The Book of Degrees of the royal genealogy according to the most ancient lists: Texts and comments: in 3 vols.]. Otv. red.: N. N. Pokrovskii, G. D. Lenkhoff. T. 1: Zhitie kniagini Ol'gi. Stepeni I–X. Pogot. pod ruk. Akad. N. N. Pokrovskogo. Moscow, "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ., 2007. 596 p.

Sv. Aleksandr Nevskii i ego epokha v dukhovnoi kul'ture Rossii [St. Alexander Nevsky and his Epoch in the spiritual culture of Russia]. Paleorossia. Drevniaia Rus': vo vremeni, v lichnostiakh, v ideiakh: nauchnyi zhurnal. Vyp. № 1 (12). Saint Petersburg, "SPDA" Publ., 2020. 272 p.

Uspenskii B. A., Zhivov V. M. [The Tsar and God (Semiotic aspects of the sacralisation of the monarch in Russia)]. Uspenskii B. A. Izbrannye trudy. T. I: Semiotika isto-rii. Semiotika kul'tury. Izd. 2-e, 1996, pp. 205–337. *Velikie minei chetii: Noiabr'. Vyp. IX. Ch. 2-ia, tetrad' I: dni 23–25* [Great Minei chetii: November. Issue IX. Part 2, notebook I: days 23–25]. Moscow, 1917. Saint Petersburg, pp. 3109–3423.

Zen'kovskii V. V., prot. *Istoriia russkoi filosofii. T. I, ch. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. I, part 1]. Leningrad, "EGO", 1991. 220 p.

Zinovii, inok Otenskii, i ego bogoslovsko-polemicheskie i tserkovno-uchitel'nye proizvedeniia [Zinovy, the monk of Otensky, and his theological-polemical and church-teaching works]. Issled. F. Kalugina. Saint Petersburg, 1894. 4, IV, 364, 27 p.